

И. А. ИЛЬИН

Основы борьбы за национальную Россию

Причины русской революции глубоки и сложны. Не следует ни замалчивать их, ни упрощать. Напротив, тот, кто хочет бороться за Россию, должен тщательно и всесторонне продумать их...

Но это не значит отыскивать виновников и карать их.

Дело не в наказании и не в мести. Кто из нас самих во всем прав и безошибочен? А революция уже оказалась неслыханным по суровости, мучительным наказанием. Наказаны все: и богатые, и средние, и бедные; и социалисты, и либералы, и правые; и народ, стонущий под игом коммунистов; и эмиграция, рассеянная по лицу земли, нищая и униженная. А ныне наказуются уже сами коммунисты, ненавистные всему народу, проклятые в истории и сами изобретшие для себя унижительные судьбища, пытки и казни: они будут терзать друг друга до конца, пока гнев народа не смоет их в бездну. Историческое возмездие неизбежно и непредотвратимо; и только злобные и мстительные натуры могут предвкушать его и требовать новых потоков крови, которые прольются и без их требования.

Итак, за Россию отвечаем перед Богом мы все, все сословия, все партии, все поколения, весь народ. Одни виновны в своекорыстии и жадности; другие в доктринерстве и заблуждениях; третьи в трусости и сентиментальности; четвертые в прямой измене; пятые в беспочвенном бахвальстве, заносчивости и непредметном образе действий. Все виновны и в неверном делании, и в пассивном неделании...

Но суть дела не в *виновниках*, а в причинах. Причины же — не личные, а *общие*.

Говоря о причинах русской революции, надо иметь в виду причины *внешне-европейские* и *внутри-русские*. — Начнем с первых.

1. Русская революция есть *последствие и проявление глубокого мирового кризиса*, переживаемого всеми странами, каждою

по-своему. Этот кризис грозит всем народам. Он назревал давно, но большинство не видело его и не разумело. Сущность его в *засилии материи* и в *бессилии духа*.

Человек призван от Бога к духовной власти — над своею *душою* и над миром *материи*. Эту власть западноевропейское человечество постепенно утрачивает.

Оно утрачивает власть над *душою* потому, что перестает верить в ее *самостоятельное бытие* и пренебрегает ее глубокими *бессознательными истоками*. В древности человек владел душою при помощи *магии*. В христианскую эпоху он научился владеть ею через *божественное откровение и веру*. Ныне человек отверг и магию, и религию, и притом потому, что отверг и самую душу: он считает себя существом *материальным* и живет *суевериями*. Дух отмирает в нем; душа пренебрежена и запущена: ее ведут интересы, страсти и произвол. В человеке торжествует *материя* и *чувственный инстинкт*.

Но именно поэтому современное человечество утрачивает и власть над *материей*. Технические науки открывают перед ним *чрезмерные возможности*, которые человек не успевает ни продумать, ни подчинить высшим целям своей жизни. Материально — современный человек *может слишком много*; душевно — *слишком мало*; духовно — *почти ничего*. Он подобен ребенку, играющему с огнем, или обезьяне, жонглирующей динамитными бомбами. Материя становится самозаконной силой и увлекает человека в пропасть.

Так современное человечество затеяло и войну 1914 года, которая была ему не по силам. Так оно приближается и ныне к новой войне. Испытания и соблазны нарастают; для слабого духом жизненное бремя становится непосильным; техника изобретает душепотрясающие средства разрушения; духовные устои и удержки слабеют...

Русская революция возникла именно из такой диспропорции: испытаний, соблазнов и нервных потрясений, с одной стороны, и духовной неподготовленности — с другой. Эта диспропорция была выношена в Западной Европе и навязана ею нам *в виде войны*. Революция пришла в Россию в форме *военного крушения*.

2. Русская революция есть проявление современного *религиозного кризиса*: это есть попытка осуществить *антихристианский общественный и государственный строй*, задуманный в нравственном отношении Фридрихом Ницше, а хозяйственно и политически Карлом Марксом. Эта *зараза антихристианства* была принесена в Россию с Запада.

Западный европеец постепенно утрачивает веру в Бога и во Христа. Истоки этого безверия восходят к эпохе Возрождения (XIII—

XV вв.) и к эпохе Реформации (XVI в.). Французские «энциклопедисты» (половина XVIII в.) как бы подводят итоги прежним «завоеваниям» безбожия и материализма. Французская революция явилась первым практическим проявлением их учения. Наполеоновские войны разнесли этот дух по всей Европе. «Просвещение» стало равнозначным материализму, отвлеченно-рассудочному *мышлению*, безверию и безбожию. Великие системы немецкой идеалистической философии (Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля) пытались противостоять этому безбожному духу и найти *философический* путь к Богу. Но учения их были непонятны даже современной им интеллигенции, а народу они не могли дать почти ничего. К тому же они были быстро извращены в сторону окончательного безбожия, материализма и прямого нигилизма (Бауэр, Фейербах, Штраус, Штирнер, Маркс). Во вторую половину XIX века эта атмосфера захватывает широкие круги западного общества и все более сгущается: повсюду *торжество чувственного опыта, плоского рассудка, материализма и безбожия*. Новое протестантское богословие питает дух сомнения и все более суживает сферу христианской веры. Запад теряет Христа. Фридрих Ницше начинает прямое восстание против христианства во имя «нестыдящегося» «варвара», во имя (буквально!) «дикого», «злого», «преступного» человека. В то же время этот новый враг христианства получает политическую и хозяйственно-общественную программу, а также и организацию от Карла Маркса. Яд готов. Ему нужно еще отстояться, перебродить и найти массу последователей. Он будет применен *в точке наименьшего сопротивления*. Этой точкой оказалась военно-переутомленная Россия, не выработавшая в себе этого яда, но именно поэтому не выработавшая и *необходимых отпорных противоядий для него*.

3. Итак, русская революция есть первый *опыт применения* западноевропейской программы экономического материализма и интернационального коммунизма. Россия стала как бы *опытным полем*, где жизненно насаждается безбожная и противоестественная химера, выдуманная на Западе для разрешения европейского социально-хозяйственного кризиса. Надо изумляться, с какой готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства русская революционная интеллигенция предоставила Россию западноевропейским экспериментаторам и палачам...

Открытия естествознания (пар, электричество и др.) и практическое использование их в промышленной технике вызывают в XIX веке великий переворот в промышленности и в строении общества. Промышленность становится машинной и фабрич-

ной; машина подавляет ручной труд; образуется промышленный и торговый капитал, с одной стороны, и все возрастающий класс наемных рабочих — с другой*. Развивается мировой торговый оборот, слагается биржевой капитал со всеми его соблазнами и злоупотреблениями. Население Европы численно возрастает и уплотняется. Начинается погоня за рынками и колониями. Возникают две враждебные силы: *мировой капитал* и *мировой пролетариат*. Каждое государство оказывается *вооруженным хозяйственным предприятием* и конкурирует — и хозяйственно, и национально, и политически, и военно, — с другими государствами. И в то же время каждое государство *раздирается внутренними противоречиями*: и хозяйственными (борьба капитала и пролетариата, борьба промышленности и земледелия, борьба торговца и потребителя), и национальными (борьба национальностей и «меньшинств»), и политическими (республиканцы против монархистов, демократы против консерваторов, социалисты против буржуазных партий, клерикалы против светских партий), и религиозно-исповедными.

В этой атмосфере *назревающей социальной революции* и выдвинулась социалистическая программа. Коммунизм же есть не что иное, как последовательно и безоглядно проведенный социализм. Так, *Россия становится жертвою мирового капитализма и мирового социализма...*

4. Русская революция началась, однако, не во имя коммунизма, а во имя *демократии и республики*: она подготовлялась как *политическая революция*, которая должна водворить в России «свободу», «равенство» и «народоправство». Императорскую Россию расшатывали и подрывали, чтобы насадить в ней западноевропейские формы жизни, уже приведшие Европу к тупику и кризису.

Европейский политический кризис состоит, во-первых, в том, что в людях *вырождается правосознание*: оно оторвалось от своих *религиозных корней* и от христианского духа; и потому оно все более впадает в беспринципность и формализм; а это ведет к разнужданию правовой жизни, ко всеобщей деморализации и к социальному распылению. Правосознание отрывается постепенно и от *любви к родине*: в наши дни мир кишит людьми, которые или действительно не считают ни одну страну своею родиною, или же пытаются уверить себя, что они «интернационалисты».

Европейский политический кризис состоит, во-вторых, в том, что *демократически-парламентарный* строй медленно, но верно разлагает государственную машину, ослабляет государственную

* Статистические данные о европейском пролетариате приведены в «Русском колоколе» № 4¹.

власть, понижает уровень правящей элиты и подрывает государственное единение партийною рознью. Все эти проявления и последствия демократически-парламентарного строя могли быть только вредны для России: они могли только развязать центробежные силы в стране, ослабить государственную власть, вызвать к жизни неслыханную демагогию, обострить классовую борьбу, создать угрозу гражданской войны и расшатать и ослабить Россию во всех отношениях — национально, хозяйственно и военно.

В действительности Россия нуждалась в *мире*, религиозном и гражданственном, в *воспитании народных масс*, в *закреплении и углублении аграрной реформы Столыпина* и в *развитии производительных сил*. Главные опасности ее были: *война и революция*.

5. Европейский кризис был делом, чуждым России. Европейская война была делом, крайне опасным для нас. Мы имели иные задания; мы боролись с иными затруднениями.

Рассудочное, *материалистическое «просвещение»* еще не проникло в толщу русского народа; оно заразило только русскую интеллигенцию — и то не всю, не до конца, и преодоление этой заразы было уже в ходу. Россия таила в себе великие запасы религиозной веры, что она и доказала во время коммунистических гонений на Церковь. Русской интеллигенции предстояло великое задание — найти верное сочетание веры и знания и избежать того безбожия, которое разъедало европейскую культуру. К началу XX века этот поворот от *рассудка* к *верующему разуму* уже наметился в русской интеллигенции.

Хозяйственный кризис имел в России совсем иную природу, чем в Европе. Капитализм в России только еще зародился, и размеры русского «капитала» по сравнению с европейскими странами, а тем более с Соединенными Штатами — были просто детскими. Россия была страной сельскохозяйственной; и промышленного пролетариата в ней было сравнительно ничтожное количество. В «колониях» Россия нисколько не нуждалась: она еще не проработала собственных внутренних пространств и богатств. Вывоз и ввоз ее за последние 14 лет перед войною почти удвоились; вопрос о рынках сбыта мало беспокоил ее. Территориальные приобретения были ей решительно не нужны. Вопрос о черноморских проливах был делом далекого будущего. Участие в европейской войне, где в сущности за мировую гегемонию боролись Англия и Германия, ничего не обещало ей.

Политический кризис в России смягчился перед войною; он утратил свою остроту с тех пор, как, благодаря Столыпину, началась творческая работа Государственной Думы. Россия нуждалась больше всего в *длительном мире*, в *развитии своих производительных сил*, в установлении *прочного правопорядка* и расцвете

своего *духовного творчества*. Как страна, технически отсталая, хозяйственно экстенсивная, не проработавшая еще ни своих душевных, ни своих хозяйственных возможностей, — она не могла принимать участия в борьбе европейских стран, которые *отчасти именно поэтому* торопились и ускоряли эту войну.

6. Вступая в 1914 году в Великую войну, Россия имела единственного истинного друга — маленькую, но героическую Сербию. Только Сербия видела великие задания России; только она им сочувствовала; только для нее Россия была не «*просто средством*» и не просто *объектом* или *жертвою*.

Запад *никогда не знал Россию и не понимал ее*. Не зная ее и ее языка, не чуя ее духа, — он верил всякому вздору о ней и сам сочинял и распространял этот вздор. Европа боялась России, не любила ее и презирала ее. За последние 100 лет она всегда была готова навредить ей, ослабить и оклеветать ее. Запад интересовался Россией лишь в торговом и военном отношении; да разве еще и смысле возможного расчленения или подчинения ее. Следуя тайным указаниям европейских политических центров, которые будут впоследствии установлены и раскрыты исторической наукой, Россия была *клеветнически ославлена на весь мир* как «оплот реакции», как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма, как колосс на глиняных ногах. Движимая враждебными побуждениями, Европа была заинтересована в военном и революционном крушении России и помогала русским революционерам укрывательством, советом и деньгами. Она не скрывала этого. Она сделала все возможное, чтобы это осуществилось. А когда это совершилось, то Европа под всякими предлогами и видами делала все, чтобы помочь главному врагу России — советской власти, выдавая ее и принимая ее за законную представительницу русских державных прав и интересов.

Таким образом, русская коммунистическая революция была гибельным даром Запада — Востоку, а затем и всему миру. Она есть плод европейского духовного разложения; продукт европейского хозяйственно-социального кризиса; результат европейского политического «просвещения»; последствие европейской войны за рынки и за мировую гегемонию. Она есть детище европейского безбожия, европейского распада и европейского империализма.

Внутренние причины русской революции

К внешним причинам присоединились внутренние. Ни те, ни другие сами по себе не были *достаточными* причинами, но *вместе* — они довершили беду, и катастрофа разразилась.

В отличие от Франции, переживавшей перед своей большой революцией период упадка, Россия переживала в царствование императора Николая Второго период бурного роста и расцвета*.

За двадцать лет (1894–1914) население ее увеличилось на 40%; урожай хлебов возрос в одной европейской России на 78%; количество рогатого скота возросло на 64%; количество добываемого угля увеличилось на 300%; нефти — на 65%, площадь под свекловицей увеличилась на 150%, под хлопком — на 350%; железнодорожная сеть возросла на 103%; золота в Государственном банке прибавилось на 146%. Бюджет Министерства народного просвещения увеличился на 628%, число обучающихся в низших учебных заведениях возросло на 96%, в средних — на 227%, в университетах — на 180%. Россия бурно строилась и расцветала; темп этого строительства значительно, иногда во много раз, опережал рост населения и мог соперничать с темпами Канады. Каждое следующее поколение имело бы все лучшие и лучшие условия жизни. Главный и труднейший из ее внутренних вопросов, аграрный, — мирно разрешался. Помещичьи хозяйства, поскольку они были нежизнеспособны, таяли и скупались, при содействии государства, крестьянами. Перед самым началом революции крестьяне составляли около 80% всего населения страны. И вот, 79% земель сельскохозяйственного назначения принадлежало трудовому крестьянству**, и только 21% этих земель можно было причислить к «капиталистическому» землевладению. В то же время великая аграрная реформа Столыпина постепенно, но чрезвычайно успешно рассасывала хозяйственно и психологически — застойную сельскую общину, укрепляя в крестьянстве личную собственность на землю, насаждая хуторское землевладение и *развязывая великие запасы творческой инициативы во всей России****.

Итак, Россия шла на всех парах к великому подъему и расцвету. Этот подъем был сорван войной и революцией. В чем же причины этого срыва?

1. Великая европейская война (1914–1918) была для всех воюющих стран страшным потрясением, грозным историческим экзаменом. России пришлось приступить к нему в состоянии

* См. подробную статистическую сводку С. С. Ольденбурга в № 1 «Русского колокола». В основе этой сводки лежат данные объективного и очень осведомленного английского источника².

** Считая участки до 50 десятин. См. подробные данные у лучшего знатока аграрного вопроса в России проф. В. А. Косинского. «Русский колокол» № 4³.

*** См. мою статью «Будущее русского крестьянства» в № 3 «Русского колокола»⁴.

не готовом, в период неподготовленности армии и флота (после японской войны!), в эпоху хозяйственного переустройства, в эпоху духовного и политического брожения, в эпоху ослабления императорской власти, в эпоху технической отсталости. Все эти условия до крайности затрудняли военную победу. Война должна была неминуемо проявить все технические затруднения и все хозяйственные неустройства; а военные неудачи грозили вызвать всеобщий упадок духа и обострить душевно-духовный и политический кризис в стране. Это и совершилось.

2. Духовный кризис, проявившийся во время войны, состоял в том, что *русское всенародное правосознание не стояло на том уровне великодержавия, который был необходим России*. Так было и в народной массе, не постигавшей ни разумом, ни волею великодержавных задач, затруднений и опасностей России, и в интеллигенции, предававшейся сентиментальным мечтам, политическому радикализму и хозяйственно-социалистическим утопиям. Бороться за русское самостояние и за историческое единство России такое правосознание могло только при *большом подъеме духа, при непоколебимости монархической формы и при отсутствии тяжелых неудач на фронте*.

3. Это можно было бы выразить еще так: *русский духовный характер оказался не на высоте тех национальных задач, которые ему надо было разрешать**. В нем не оказалось надлежащей религиозной укорененности, непоколебляющегося чувства собственного духовного достоинства, волевой самодисциплины, отчетливого и властного национального самосознания. Все это имелось налицо; но не в достаточной силе и распространенности. Почему? Вследствие ряда исторических причин: вследствие недостаточной просвещенности простонародной души светом Евангелия и светом исторически-национального видения; вследствие зараженности русской интеллигенции безбожием и революционностью; вследствие сравнительной молодости и отсталости русского образования; вследствие двух с половиною векового татарского ига; вследствие непрерывных и трудных войн за последние 400 лет; вследствие великих бунтов — Смуты, Разинщины и Пугачевщины; вследствие непреодоленности сословных обид эпохи крепостного права; вследствие многонационального состава русского народа; вследствие всех трудностей смешанной азиатской крови, равнины и климата...

* См. об этом мои опыты: «Основные задачи правоведения в России». Публичная речь, произнесенная в Москве в 1922 году. «Русская Мысль». Прага, 1922, кн. VIII–XII. А также «Творческая идея нашего будущего», 1937⁵.

Русскому народу пришлось *принять на свои плечи бремя великодержавия до того, как созрел окончательно его характер*, до того, как окрепло его государственное и национальное самосознание. Нам пришлось нести все бремя *азиатского тыла и материкового пространства* — и в этой войне. И русский характер поколебался. России, стране *экстенсивной и технически отсталой*, пришлось воевать со странами *интенсивными и технически передовыми*. Время работало на Россию; но время требовало выдержки, а ее не хватило.

4. За последние два века *Православная церковь* утратила свою независимость от государства и от его великодержавного аппарата. Это отразилось и на ее самосознании (она привыкала служить правительству и не дерзать самостоятельно вести народ к Богу), и на ее строении (назначение, отрыв от верующих, ослабление приходской жизни), и на ее воспитывающей силе, и на свободе и авторитетности ее суждений.

5. В крестьянстве не было еще утверждено начало *частной собственности*; а частная собственность воспитывает народ к хозяйственной инициативе, к самостоятельности, к правопорядку, к чувству собственного достоинства, к элементарной честности, к лояльности, к борьбе за родину. Крестьянство находилось во власти *количественного аграрного психоза*, всячески поддерживавшегося демагогией левых партий. Крестьянство видело спасение не в интенсификации хозяйства, а в расширении площади своего землевладения, и воображало при этом, что в стране имеются бесконечные запасы удобной земли и что эти запасы принадлежат помещикам: оставалось только «нажимать» на помещиков и «захватывать» государственную машину, т. е. приступать к *погромам и революции*. На этом психозе партия социалистов-революционеров и проводила февральскую революцию и выборы в Учредительное собрание (1917 г.).

6. В России не сложился еще и не окреп *средний класс*, уравновешивающий государство, составляющий оплот правопорядка, правосознания, частной инициативы, патриотизма, семьи, добрых нравов и порядочности. Богатое крестьянство, вышедшее из общины, и окрепший средний класс сумели бы уже через 20 лет отстоять Россию от соблазнов социализма и от восстания коммунистов. Это понимали европейские державы и потому торопились с войною.

7. Значительный кадр русской интеллигенции не был на высоте. Он был заражен западным рассудочничеством, доктринерством, безбожием и революционностью. Он «верил» в демократию и не понимал, что демократический строй не для всех народов подходящ и что он сам переживает великий кризис. Эта часть

русской интеллигенции предавалась всевозможным утопиям, — то сентиментальным (анархизм Кропоткина, толстовство), то революционным (республиканство, социализм, коммунизм). При этом революционная интеллигенция раз навсегда отвернулась от трона, создававшего 1000 лет великую Россию; она изолировала его, расшатала его оппозицией и клеветой, а сама оказалась совершенно неспособной к власти.

В России была и другая интеллигенция: верующая и верная, патриотическая и созидательная. Но именно *вследствие этого* она не болела честолюбием, не политиканствовала и обычно оказывалась оттесненной и заглушенной радикальными партиями.

8. В предреволюционной России не было *государственной сплоченности* и русский национально-государственный интерес не царил в умах. Шла социально-классовая борьба: помещики и крестьяне, фабриканты и рабочие, горожане и сельские жители, торговцы и потребители — выдвигали свой классовый интерес и группировались вокруг своих классовых партий. *Сверхклассовое* единение — важнейшее в жизни каждого государства, — только намечалось. Военные неудачи развязали классовую борьбу, и простой народ повалил за классовыми-революционными партиями. Белая армия осуществила сверхклассовое государственное единение по всей России, но психоз разложения и распада взял уже верх.

9. В предреволюционной России недоставало и *национальной сплоченности*. Целый ряд народов, входивших в состав русского государства, тянул *не к России, а от России прочь*. Эти народы не только участвовали в русском революционном движении; некоторые из них старались вредить России и за границей, — при помощи как явных, так и тайных организаций. Россия как многонациональная империя не закончила еще своего формирования. А за границей *назревал мировой заговор против нее*.

10. *Отношение к русской национальной армии* было в России не на высоте. Все слои народа, затронутые революционным брожением, смотрели на армию как на орудие «реакционного» правительства, тянули к ее разложению и «революционному братанию» с нею. Так было уже в 1903–1905 годах. В 1917 году это настроение вспыхнуло в виде настоящего психоза.

11. В довершение всех этих опасностей в России *пошатнулась вековая сила императорской династии*.

Силу династии колебали и расшатывали еще в XVIII веке дворцовые перевороты, производившиеся дворянством (1725 г. — восшествие на престол Екатерины I, 1730 г. — воцарение Анны Иоанновны, 1740 г. — воцарение Анны Леопольдовны, 1741 г. — воцарение Елизаветы Петровны, 1762 г. — свержение Петра III

и воцарение Екатерины II, 1801 г. — убийство Павла I и 1825 г. — бунт декабристов): участники переворота навязывали трону свою волю и свой классовый интерес. Чтобы представить себе, чем это грозило России, достаточно вспомнить, что декабристы намеревались освободить крестьян *без земли*, т. е. пролетаризировать русское крестьянство (это всего через 50 лет после пугачевского бунта!)...

Для того, чтобы правовое оформление России, оживление ее творческих сил и освобождение крестьян могли состояться ко благу России, трон должен был предварительно окрепнуть и подняться на высоту сверхсловного, всенародного созерцания; что и состоялось при императоре Николае I. Славные реформы императора Александра II и, в частности, освобождение крестьян на условиях, недоступных и неизвестных Западу, были величавым проявлением окрепшей монархической власти. *Именно после этого творческого апофеоза монархии революционные партии немедленно начали свою террористическую работу против трона.*

Последовавшие затем многочисленные покушения на царя-освободителя, завершившиеся его мученической кончиной 1 марта 1881 года; новые покушения на императора Александра III (1883 г. — при участии Ульянова, брата Ленина, и 1888 г. — крушение императорского поезда в Борках); убийство великого князя Сергея Александровича (1905 г.); поток террористических угроз, направленных против императора Николая II и других членов династии (1905 г. и сл.), — все это глубоко оскорбляло русскую императорскую династию, колебало ее веру в свое призвание, подрывало в ней волю к власти, расшатывало ее водительную силу. Вокруг трона все время подогревалась и искусственно сгущалась атмосфера *республиканствующего недоверия*; в либерально-радикальных кругах царя клевета и разливалось злорадство...

После военных неудач 1915 года это настроение стало принимать формы сознательной изоляции и подготовки дворцового переворота. Монархический строй заживо разлагался. В членах династии угасала воля к трону и воля к власти. И все закончилось отречением и великим неискупимым мученичеством.

Таковы были внутренние причины революции в России. Все остальное было лишь проявлением или последствием этих причин: и февральский переворот, и октябрьская революция.

Отжившие предрассудки русской интеллигенции

В духовном укладе русской интеллигенции есть отжившие предрассудки, к которым она не должна возвращаться. Некоторые из этих предрассудков открыто выговаривались, другие допуска-

лись бессознательно и молчаливо. Ныне мы призваны продумать их до конца и освободиться от них.

1. Русская интеллигенция не видела и не постигала *глубокого своеобразия России*. Она не понимала, что Россия может строиться только *самобытным творчеством*, а не слепым заимствованием у Запада. Она не разумела, что *русский национальный духовный акт* — *иной*, чем у западного европейца, и что поэтому у русского должна быть иная вера, иная наука, иное искусство, иное правосознание, иное государство, иной уклад жизни. Петр Великий никогда не поработал русский дух — западному. Остерман недаром записал за ним слова: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Творящему не страшно никакое заимствование; кто умеет только подражать, тот погубит свое творчество.

2. Русская интеллигенция обычно относилась к простому народу с «состраданием» и с затаенным чувством «вины» («кающийся барин»). Но она не знала своего народа, не видела его творческую силу, плохо верила в его *организаторскую способность* и даже уверовала в подкинутую ей иностранцами теорию, будто порядок и культура были принесены русским полудикарям «норманнами»*.

3. Истинная наука не исключает *веру* и не разрушает ее. Безбожие есть не высшее проявление культуры, как думала русская интеллигенция, а проявление духовной слепоты, духовной нечуткости и ограниченности. Христианское откровение отнюдь не осуждает науку и не стремится заменить ее. Русской интеллигенции предстоит великая творческая задача — внести дары христианства в научное исследование и утвердить христианство светом истинного научного знания**.

4. Христианство отнюдь не отрицает ни права, ни государственной культуры; оно совсем не проповедует сентиментального непротивленчества***. Об этом свидетельствует вся великая традиция христианской Церкви и русского православия. Русская интеллигенция должна раз навсегда отвергнуть соблазны непротивления.

5. *Культура* (дух!) и *цивилизация* (внешняя дисциплина и техника!) — отнюдь не одно и то же. Русская интеллигенция должна понять, что у цивилизованных народов может выродиться духовная жизнь, что мы ныне и наблюдаем. Русский народ, сильно отставая в вопросах цивилизации, *всегда имел* глубокую и самобытную духовную культуру. Противоестественно думать,

* Доктрины Байера и Шлёцера (восемнадцатый век).

** См. в № 5 «Русского колокола» мою статью «Идея обновленного разума».

*** См. мое исследование «О сопротивлении злу силой»⁶.

будто менее цивилизованные народы суть исторический навоз для более цивилизованных.

6. Русская интеллигенция воображала, будто в жизни есть только «отвратительная действительность» и «святой идеал». Она не видела Божьего присутствия в ходе истории и не понимала, что «идеал» требует от человека прежде всего строгости к самому себе, скромности и долгой борьбы со своими страстями; — что *Бог близок, а идеал далек*. Поэтому она страдала маниловской мечтательностью, доктринерством, политическим максимализмом и социальным утопизмом. Надо уметь трезво беречь унаследованное национальное достояние и с молитвою в сердце впрягаться волею и делами в несовершенное (творческий реализм!).

7. Русская интеллигенция вслед за Кропоткиным, Бакуниным и Л. Н. Толстым, верила, что чем полнее *свобода*, предоставленная человеку, тем быстрее и полнее он приблизится к совершенству. Отсюда ее сентиментальный либерализм и тяга к анархии. Она считала, что государство не столько воспитывает человека, сколько развращает его; и потому она всегда была готова поддерживать всякое оппозиционное, противогосударственное, революционное начинание. С этим соблазном она должна покончить.

8. Русская интеллигенция держалась за предрассудок, будто справедливость требует *равенства* и будто жизнь будет тем справедливее и лучше, чем больше людей будут во всех отношениях уравнины*.

9. Русская интеллигенция склонялась к тому мнению, что «гражданин вселенной» всегда выше патриота с его националистическими пристрастиями. Отсюда возникало ее тяготение ко всевозможным «интернационалам» и ее безразличное или холодное отношение к своей национальной армии.

10. Русская интеллигенция не умела верно принимать и уважать *частную собственность*. Многие собственники умели быть щедрыми; но далеко не многие понимали, что собственность обязывает к творческому труду и что богатеющий хозяин служит не только себе, но и всему народу и своему государству. В связи с этим русская интеллигенция готова была преклоняться перед низшим видом труда — физическим (перед «мозолистыми руками» и «пролитым потом») и решительно недооценивала *глубину, утонченность и ответственность духовного творчества*.

11. В довершение всего русская интеллигенция страдала неверным самосознанием. Она рассматривала свое положение как «привилегированное» и всегда несколько «конфузилась» от сво-

* См. ниже главу о равенстве и справедливости.

их «преимуществ». Она не понимала, что ведущий слой должен давать народу *творческую идею, волевою энергиею, воспитание характера и национально-правовую организацию*; и что если он выполняет это призвание свое, то все, связанные с этим «преимущества» являются не более, чем необходимым условием жизни и скромным вознаграждением*.

Будущая русская интеллигенция должна быть свободна от этих предрассудков; иначе она не поведет Россию и не возродит ее. Эти предрассудки во многом подготовили и февральский переворот, и коммунистическую революцию.

Сущность большевизма

Большевизм есть не что иное, как *последовательно проведенная революция*: ничем не сдержанный и все сметающий дух безбожия, дух поругания святынь, дух зависти и мести, дух восстания низшего на высшее, дух отрицания и разложения, дух грабежа и террора. Этот дух заложен в *каждой революции*, хотя не каждая осуществляет его последовательно и до конца. Русская же революция явила его именно до конца.

Революция не есть просто «насильственное свержение нежелательной власти». Такое свержение следует называть не революцией, а *переворотом*. Революция же есть *массовое духовное заболевание*: ослабление и распадение *духовных устоев*. Если слабеет только одно правосознание, а силы религиозной веры, совести, чести, патриотизма, национального чувства остаются непоколебленными, то все эти силы скоро залечивают рану правосознания и переворот не становится революцией. Но если все эти священные силы духа находятся в состоянии кризиса, то может распасться и выродиться вся жизнь. Поэтому ныне для России надо желать не «революции», а *политического переворота*, который должен возродить национальную Россию и обновить всю ее жизнь.

В силу указанных выше внешних и внутренних причин политический переворот в России в 1917 году не мог не превратиться в революцию, которую революционеры всячески старались углубить, разлагая все устои жизни и духа. В результате этого и возник большевизм**.

Итак, большевизм есть *разложение духа и разнуздание алчности* в человеческой душе. В человеке разлагается и слабеет

* Срв. у Ключевского: Русская история, т. V, стр. 115 и 141.

** См. мою брошюру «Яд большевизма». Женева, 1931.

духовное начало; он начинает посягать на все и разрешать себе все. Формулы большевизма: «все немедленно мне» и «все средства хороши». Именно поэтому на большевизм так легко отзываются все *беспринципные карьеристы, все политические авантюристы, безыдейные честолюбцы, продажные люди, хулиганы и в особенности профессиональные преступники*. Большевизм есть вторжение *разбоя в политику* и в то же время превращение внутренней и внешней *политики* государства в *уголовщину*.

Большевицкое настроение всегда живет в нравственных низах общества. Но оно может охватить и целый класс. Тогда этот класс станет *революционным*; требования его окажутся *максимальными* и государственно-разрушительными; он не остановится ни перед какими средствами борьбы и начнет гражданскую войну. Поэтому в политическом отношении большевизм есть *максимализм* и *терроризм*.

В душе, заболевшей большевизмом, смолкают все духовные побуждения: правосознание, патриотизм, чувство чести, долг, совесть и вера. Тогда человек отдается жадности и «политика» его становится свирепой и бессовестной. Такой дух живет в классовом понимании государства у Маркса. Классовая борьба есть не что иное, как прикровенная и «приличная» гражданская война; достаточно «революционному классу» потерять терпение и ожесточиться — и гражданская война начнется в открытую. Поэтому большевизм по самому существу своему отвергает *государство*, ибо государство есть начало *сверхклассового мира, солидарного сотрудничества, твердого правопорядка и справедливости*. Большевизм отвергает и самое право и пытается построить жизнь на *принуждении*.

Правопорядок строится на самостоятельном и самодеятельном субъекте прав; на законе и законности; на справедливости. Большевизм отвергает все эти основы. Он подавляет свободного человека, его инициативу и его духовное самоуправление: человек есть для большевика материальный атом, покорная машина или раб. Большевик отдает все в монопольное распоряжение государства: люди делятся для него на *чиновников* и *бесправных рабов*. Поэтому большевизм есть *деспотизм*. Он презирает закон и законность: власть не связана ничем, а рабы связаны вечным гнетом и страхом. Большевицкое государство является *единственным работодателем во всей стране*: всякая частная собственность отменяется: частных предприятий нет. Все оказываются *абсолютно бедными* и *абсолютно зависимыми от монопольного работодателя*. Все оружие конфискуется: восстание без оружия невозможно. *Нищета, голод и страх закрепляют рабство*. И над всем возвышается

новое привилегированное сословие — коммунистическая партия (около 2% всего населения), вооруженная, всем распоряжающаяся и пронизывающая страну всеобщим политическим сыском и доносительством.

В хозяйственном отношении большевицкое государство осуществляет коммунистический строй (называемый также социализмом). Идея коммунизма состоит в том, чтобы 1) погасить личную инициативу в хозяйстве и заменить ее всепредусматривающим и всерегулирующим распоряжением, идущим из полномочного центра; 2) в том, чтобы погасить у людей личную заинтересованность в труде и заменить ее принуждением и обязательным для всех революционным «пафосом»; 3) в том, чтобы построить хозяйство по единому плану на равенстве бесправных наемников. Это приводит к всеобщему безразличию, падению качества и количества продукта, к страшному повышению себестоимости, к «плановому» хаосу, ко всеобщей бесхозяйственности и безответственности, к падению производства, потребления и вывоза.

В смысле мирозерцания — большевизм есть материализм: нет ничего, кроме материи и чувственных состояний тела. Нет души. Нет духа. Нет Бога. Религия есть лицемерная выдумка богатых, для одурачения и порабощения бедных. Иисуса Христа «не было». Христианство есть фальшь. Любовь есть вредный предрассудок. Духовная культура есть «буржуазный» вздор и ложь. Хорошо то, что полезно большевицкой революции. Добро и зло, красота, истина, честь, любовь к отечеству, национализм — пустые и вредные выдумки. Семья есть реакционная форма жизни; ее надо разрушить. Христианская Церковь есть главная реакционная сила и главная опасность для большевицкой революции. Отсюда гонения на христианство и в особенности на Православие. *Россия есть лишь плацдарм и орудие для мировой революции. Все народы должны быть соблазнены, разложены и покорены коммунистической революцией.*

Для всего этого необходимо *разрушить весь исторически унаследованный душевный уклад и подорвать все прежние духовные основы человека. Это надо осуществить во всем мире; и притом — любой ценой, не останавливаясь ни перед какими злодействами, не щадя ни поколений, ни народов.*

Таковы планы и «дары» большевизма: освободить человека от веры, совести и чести, сделать его безродным, бессемейным нищим и поработить его мировому коммунистическому центру, опирающемуся на безбожников и злодеев всех стран («Коммунистический Интернационал»).

Отрицательные уроки русской революции

Все то, что русский народ пережил в коммунистической революции и что я здесь не могу ни описать, ни исчерпать, открыло и утвердило в назидание нам следующие истины.

1. *Безбожие* разлагает в человеческой душе все священные основы жизни: веру, совесть, честь, верность, любовь к отечеству, правосознание, чувство ответственности, чувство ранга, справедливость и дисциплину. Начинается разнуздание человеческого инстинкта; бессознательная духовность человека перестает определять его образ жизни. Всюду торжествуют злые страсти. Правопорядок гибнет. Государство переживает крушение. Народ обрекается на унижение, муку и вымирание.

2. *Материализм* обесмысливает, опустошает и разрушает жизнь. Человек не сводится к телу, чреву и похоти; он не машина, не чувственное животное и не голодный зверь. Такое понимание ведет ко всеобщему унижению, к рабству и бесконечной муке.

3. Всякий *ненавистник* вызовет в других ненависть и сосредоточит ее на себе. Всякий *предатель* будет однажды предан сам. Всякий грабитель будет сам ограблен и убит. Таков закон самоуничтожения зла.

4. Завистью и ненавистью нельзя ничего построить: ни государства, ни культуры, ни хозяйства. *Созидает только любовь*: любовь к Богу, любовь к отечеству, доверие к правителю, взаимное доверие, уважение и братство граждан, сострадание к слабым, всеобщая сверхклассовая солидарность.

5. В жизни народа важнее всего и ценнее всего *качество*: качество души (сердца, воли, ума, образованности) и качество создания (поступка, строения, картины, книги, закона, хозяйственного продукта). Количество, лишенное качественного достоинства, — обманно, смешно и позорно. Злая душа не построит ни здоровую семью, ни здоровое государство.

6. Кто отменяет и разрушает *семью*, тот — уродует детскую душу; он насаждает общий разврат, общее ожесточение, нравственную анархию и беспризорность. Он подрывает самые основы народной и государственной жизни.

7. *Общественный класс* имеет смысл и жизнь только как живая часть народно-государственного организма. Различные классы нуждаются друг в друге и восполняют друг друга. Они должны ценить друг друга и сотрудничать. Диктатура одного класса (*все равно, какого!*) разваливает всю народную жизнь: восстающий и посягающий класс погубит государственное единение, обессилит страну и сам будет поработен своими вожаками.

8. *Классовая борьба* есть прикровенная гражданская война. Гражданская война свирепее и разрушительнее международной. Кто начинает ее во имя одного класса, тот становится предателем своего отечества и ведет к гибели всю страну.

9. *Революция* есть не «спасение», а начало гибели. Она разнуздывает людей; она научает людей пренебрежению к праву и к закону. Народ, не уважающий права и закона, — потеряет все свои права и будет поработан.

10. *Социализм* несет людям не братство, а классовую ненависть; не новую справедливость, а худшую несправедливость; не свободу, а свирепый зажим.

11. Коммунизм не уважает *человеческую личность* и ее свободную самодеятельность. Поэтому он идет *против духа* и *против природы* и может насаждаться только голодом, страхом и кровью (террором).

12. Коммунизм отменяет *частную собственность* и делает всех безнадежными нищими, зависимыми от коммунистической партии и власти. Этим он подрывает в народе желание трудиться и распространяет всеобщую лень, саботаж, взяточничество, воровство и всяческую безответственность. Все это губительно для культуры и народного хозяйства.

13. Коммунизм не бережет народные силы, а *растрчивает* их: личная, частная инициатива подавляется; работа из-под палки становится ненавистна и непродуктивна; всенародное уговаривание работать из-под палки — безнадежно; аппарат всенародного надзора и понуждения к работе — не заменит человеческой самостоятельности; все предвидеть из центра и все всем приказывать через чиновников — есть затея нелепая и неосуществимая. Все это — ведет к *растрате сил* и *всеобщему оскудению*.

14. Если в государстве начнут править интернационалисты, то они не захотят и не сумеют блюсти *исторические интересы народа*. Поработанный народ станет средством для чужих ему интересов. Он будет разорен и обессилен, а в последний час предан на поток и разграбление воинственным соседям.

Таковы отрицательные уроки революции. Этим они отнюдь не исчерпываются: здесь они только начинаются. Однако не продумавший и не усвоивший этих основ не постигнет и остального.

И прежде всего он не постигнет религиозного смысла русской революции.

Религиозный смысл русской революции

Коммунистическая революция является величайшим бедствием и провалом в истории России. С нею не может сравниться ни одна

из войн, ведшихся русским народом. С нею не может сравниться ни Смута (1605–1613), ни бунты Разина (1667–1670) или Пугачева (1773–1775). Это бедствие равновелико по своей глубине и по своим последствиям разве только татарскому погрому, хотя разворачивается в совершенно иных формах. Как тогда, так и теперь дело идет о *самом бытии России, об ее исторической судьбе, о субстанции ее духа*. Как тогда, так и теперь русский народ стоит перед величайшим испытанием, которое или погубит его, или закалит; оно или разложит до конца его дух и его культуру, или же очистит их, углубит и возвеличит. Как тогда, так и теперь русский народ чувствует себя стоящим перед лицом Божиим и отвечает на ниспосланное ему бедствие молитвенным сосредоточением души и воли.

И он прав в этом. Путь к возрождению России ведет через *одухотворение и благодатное оживление русского национального инстинкта*. Именно последняя глубина души может и должна возродить Россию: искренняя и цельная жажда Бога и божественного в жизни. Испытания и лишения, унижения и муки должны поднять со дна наш затонувший «Град Китеж», должны возродить «Святую Русь» в душе русского народа. В этом религиозный смысл революции.

Революция совершилась отнюдь не в силу положительной воли Божией, ибо Господь не может хотеть зла; но в силу Его *позволения*. Нелепо и пагубно думать, будто коммунистическая власть в России «установлена» Богом и будто в силу этого русские люди должны повиноваться ей «за совесть». На самом деле не Господь восхотел этого потока зла и страдания, но соблазняющие и соблазненные люди восхотели его, злоупотребляя своею человеческою свободой и идя по пути страстного произволения и греха.

Напрасно было бы приводить здесь слова апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 13, ст. 1–10), где действительно сказано, что «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (ст. 1) и что «противящийся власти противится Божиему установлению» (ст. 2). Ибо эти слова Писания, как и другие, непозволительно отрывать от контекста, от общего духа и смысла. Из общего же контекста и смысла (ст. 1–10) явствует с очевидностью, что ап. Павел требует повиновения властям потому, что он *подчиняет самих правителей Богу и Его заповедям*. Власть устанавливается Богом для того, чтобы начальник был «Божьим слугой», чтобы он поощрял добро и пресекал зло; правители «постоянно заняты» этим служением Богу, и в греческом тексте называются не только «архонтами», но и «диаконами» и «литургами». В этом их призвание. Ими должен руководить тот же высший закон любви, что и повинующимися им гражданами. Именно поэтому (по-гречески «*дiо*») мы должны повиновать-

ся им «не только из страха наказания, но и по совести». Иными словами: *наша совесть лояльна Богу, а не слугам сатаны*. Коммунистическая же власть, сеющая зависть, ненависть, страх, унижение и ложь, поощряющая всякое зло и искореняющая всякое добро, ведущая кровавое гонение на веру и верующих, служит не Богу, а сатане, и потому мы, христиане, должны отказать ей в повиновении и повести против нее непримиримую борьбу словом и делом*.

Итак, безбожная и бессовестная власть не связывает нашего правосознания. Она послана русскому народу для закаления, очищения и укрепления его духа. Попустить злу значит «не воспрепятствовать» ему, как бы отвести обороняющую руку, предоставить злу развернуться по его внутренним законам и совершить заложенную в нем судьбу его; одним в наказание, другим в научение, третьим в испытание, или в укрепление и закаление; героям — в возвеличение, мученикам и святым — в прославление.

Попущению этому придет однажды конец: *когда окрепнет вера и закалится воля в русском народе*. К этому времени и мы должны быть готовы: мы должны умудриться через наказание закалиться в испытаниях, уразуметь ошибки и упущения прошлого, преодолеть соблазны настоящего; чтобы с обновленною, крепкою верою и государственно-национальною волею заткать ткань новой России.

Религиозный смысл русской революции — не в подчинении большевизму, а в борьбе против него во славу Божию и во имя Великой, Богу служащей России.

* См. об этом в моих статьях в «Возрождении», 1936, от 18, 23 и 25 апреля. №№ 3972, 3977, 3979⁷.